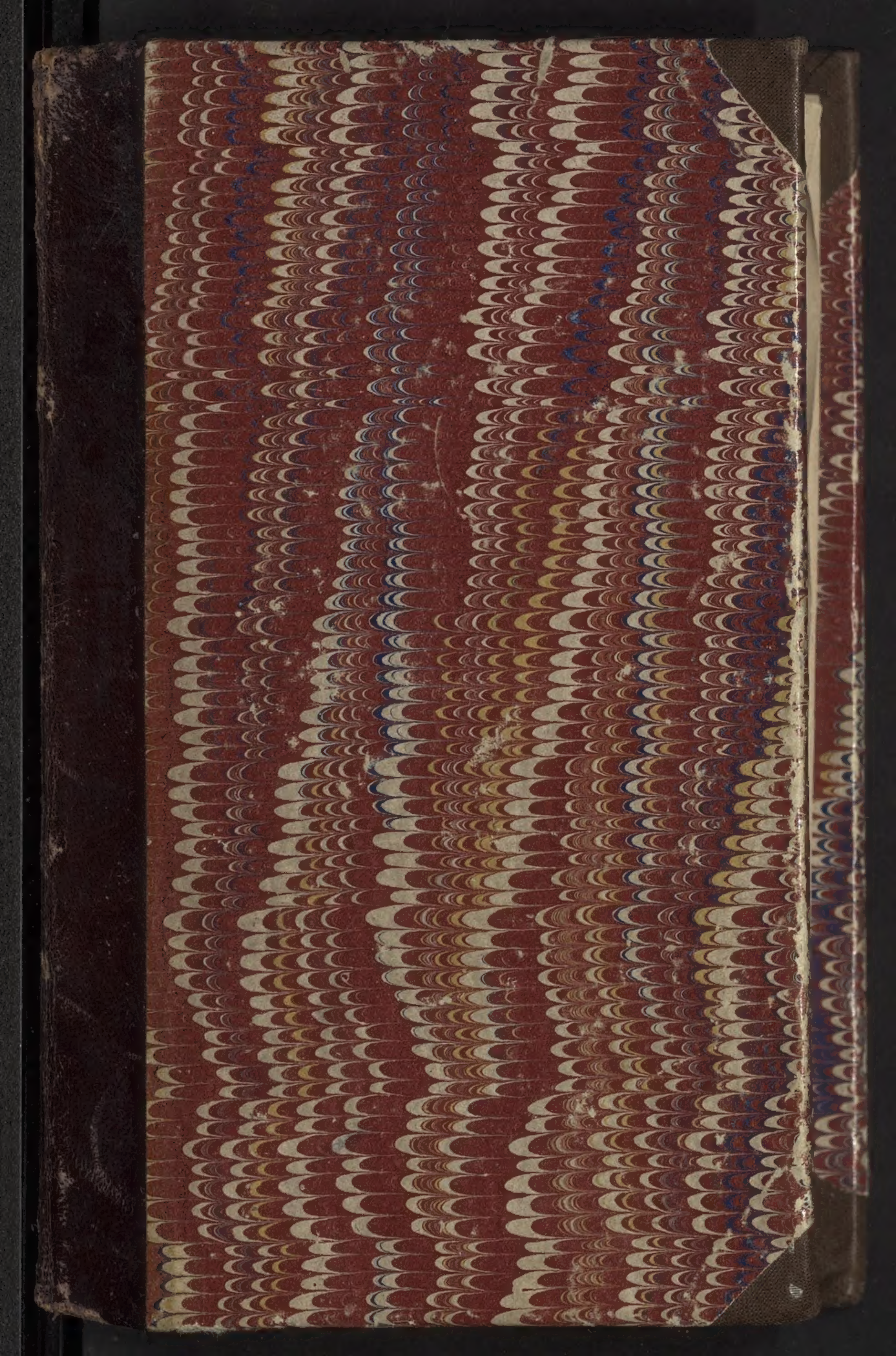
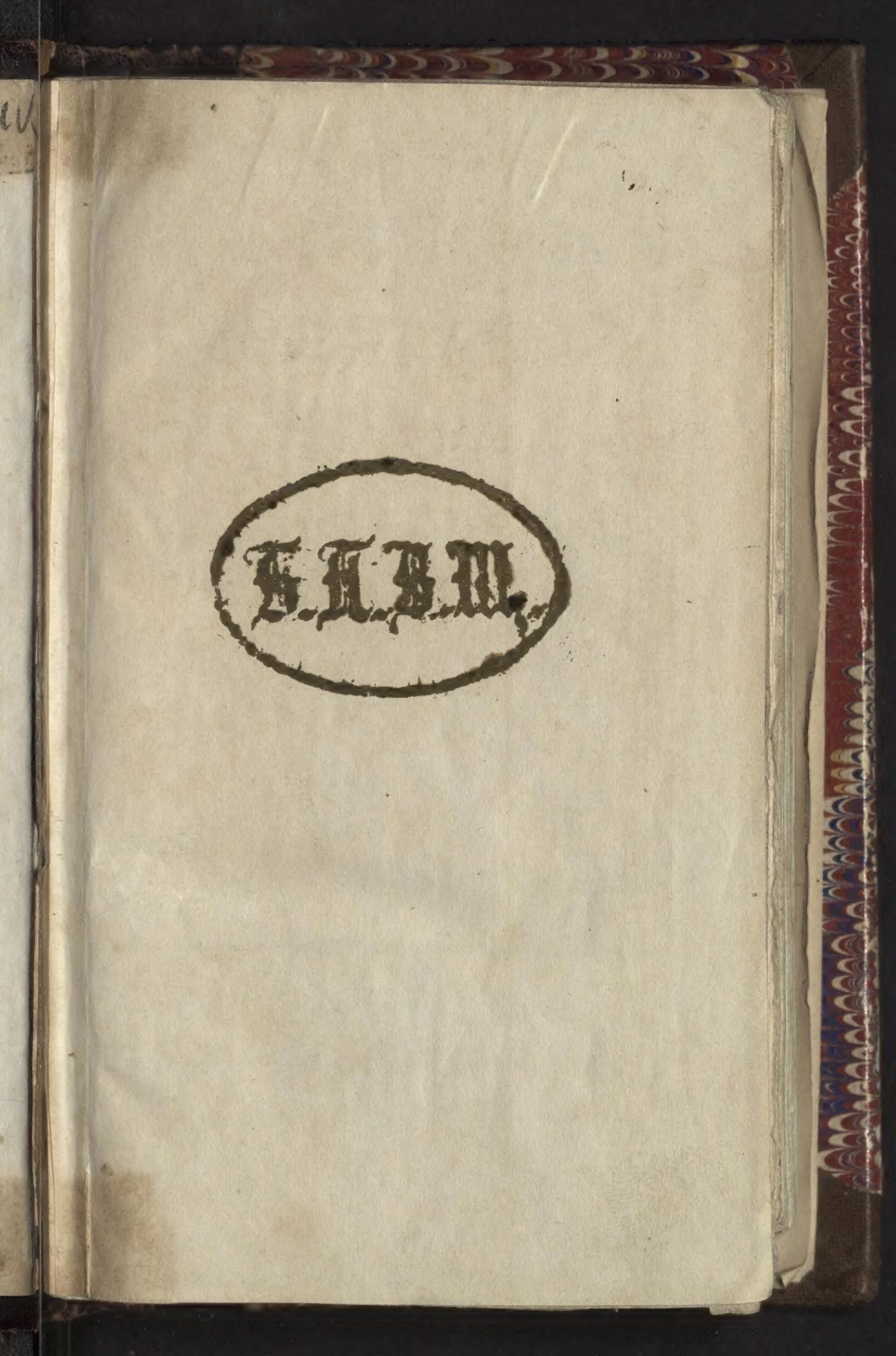
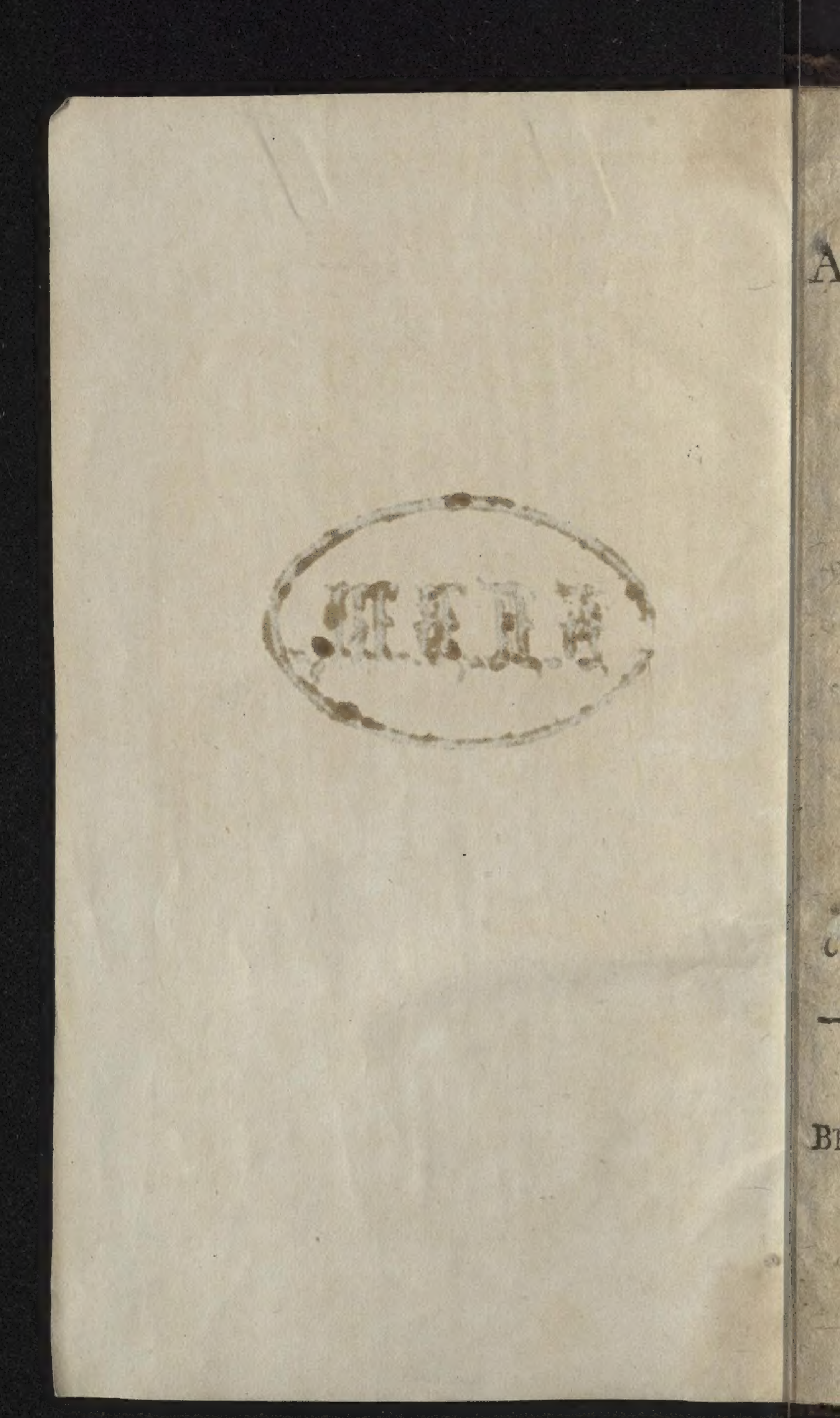

10358
86 1/77
ОИЛ
ОИЛ XVIII в
конволют N 482.

Планше де Валькур
Ф. А

А ДЛЯ ЧЕГО ЖЕ И НЕ ТАКЪ?

КОМЕДІЯ
въ
ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

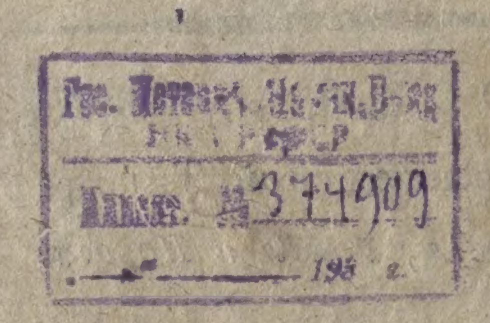
Переводъ
Михайлы Макарова.

Съ дозволенія Московской Цензуры.

МОСКВА, 1803.
Въ Университетской Типографіи,
у Любія, Гарія и Попова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ФЛОРИДОРЪ.	-	Г. Украсовъ.
ВАЛЬКУРЪ.		Сіи всѣ восемь персонажей играетъ одинъ актеръ, Г. Сандуновъ.
ГЕНЕАЛОГИСТЪ.		
МОРЕХОДЕЦЪ.		
ВОДОНОСЪ.		
МОШЕННИКЪ.		
ПРОСТЯКЪ.		
ЧЕЛОБИТЧИЦА.		
ПОРТНОЙ.		

ЯВЛЕНІЕ 1.

ФЛОРИДОРЪ (*одинъ, сидитъ у стола, разбираетъ*).

Правду говорятъ, что никто не можетъ быть доволенъ своимъ состояніемъ. . . Сколько безпутныхъ прозьбъ, несправедливыхъ желаній. . . . Человѣкъ, которой ничего для отечества не сдѣлалъ, требуетъ пансіона! . . толстой Мидасъ желаетъ быть Членомъ Академіи. . . воинъ оставляетъ шпагу, чтобъ сыскать прибыточное мѣсто въ Статской службѣ. . . дряхлой Секретарь добивается мѣста въ драгунской службѣ. . . Скоро увидимъ, что и подъячіе станутъ требовать знаковъ некорыстолюбивыхъ людей. . . А для чего же и не такъ? . . Всякой старается что нибудь себѣ пріобрѣсть; да и мое состояніе въ нѣсколько дней совсѣмъ перемѣнилось: я былъ независимъ, воленъ, бѣденъ и никѣмъ неизвѣстенъ; но лишь женился на случайной женщинѣ, какъ

всѣ меня узнали. . . и съ помощію ея роздаю мѣста должности. . . да и это не удивительно. Пригожая и податливая женщина въ видѣ просительницы очень сильна; милости по большой части получаются чрезъ хорошенькихъ; а мужъ такой жены ничто иное, какъ первой служитель.

ЯВЛЕНІЕ 2.

ФЛОРИДОРЪ и ГЕНЕАЛОГИСТЪ.

ГЕНЕАЛОГИСТЪ.

Чи тутъ, господинъ Флоридоръ?

ФЛОРИДОРЪ.

Это я, государь мой. Что вамъ угодно?

ГЕНЕАЛОГИСТЪ.

Я, государь мой, отмѣнный почитатель дворянства, который умѣе заглаживать пятна, сдѣланныя фамиліямъ свойствомъ съ купцами и мущинами. . . Я. . . садовникъ, которой прицѣпляе къ дикой вѣтки плодовитые сучки; и я такъ умію хороше пользоваться выгодами моего ремесла, що на ветхомъ Парламентѣ,

который знова бувъ сдиланъ, могу виставливать патенты, писанные числомъ наканунѣ потопа; наконецъ я Генеалогистъ; я люблю благородныхъ, Маркизовъ, Графовъ, Бароновъ; и все сіе отнятіемъ, или приложеніемъ идной только буквы. Человѣкъ засыпаетъ купцемъ; а я, якъ постараюсь, то онъ прочиняется дворяниномъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Да, были времена, въ которыя очень не рѣдко случалось встрѣчать такія превращенія.

ГЕНЕАЛОГИСТЪ.

Вси конечно можно, государь мой. Нащо такъ необыкновенно. Развѣ вамъ туточки сего не примѣтно, и колибъ вси тутъ благородніе посѣянки нагряди, пустили бы всякой отъ себѣ хоть погидной зелининькой горючки, то бы тутъ можно бы було прохаживаться въ холодку, якъ въ самомъ густомъ лѣсу.

ФЛОРИДОРЪ.

Такъ по вашему мнѣнію у насъ тогда не былобъ недостатка въ гулянье?

ГЕНЕАЛОГИСТЪ.

Почувши, що вы оженвались на госпожи Служнихивой, я поспѣшивъ къ вамъ явиться, щобъ скомпоноватъ вамъ родословную, и за сто червонцевъ я хочу здробить васъ такъ же благороднымъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Такъ, по вашему мнѣнію, стало очень не трудно сдѣлать благороднымъ?

ГЕНЕАЛОГИСТЪ.

А почемужъ и не такъ? Ти, которіи теперички вхожи въ самыя хорошія компаніи по праву шпаги, или пелимажа, частинько бувало ѣздятъ на запяткахъ, а типирь даже изъ нихъ перескочили просто въ берлины мивъ чрезъ колесо, а иніи съ помощію картъ; изъ кухтыковъ сдилались якъ сами ихъ господа.

ФЛОРИДОРЪ.

Это правда что бываетъ; да я самъ, которой теперь съ вами говорю — я самъ въ нѣсколько дней поправилъ мою судьбу. Я посватался, поискалъ, и женился на такой женщинѣ, которая дала мнѣ имя и достаточное состоянïе.

ГЕНЕАЛОГИСТЪ.

Да бачите для того, що вы похожи на Геркулеса, и ви не одни, котораго достоинствы удовольствующая панна Венера куповала своимъ богатствомъ. Да се не диво! Женщины тепиришняго вѣку кидаютъ всякой день своихъ мужей, якъ разношенной черевикъ, и миняютъ ихъ на любовниковъ; да и гито не диво, якъ и то, що театральныя Весталки такъ часто переминяютъ своихъ любовниковъ, що никакой Генеалогистъ не можетъ вывесть порядочно ихъ родословной, да и гито не диво, що и въ нынѣшнее время нѣтъ ни якого дива.

ФЛОРИДОРЪ.

Да и чтожь дивомъ нынче назваться можетъ? Оставя другихъ, я о себѣ скажу, что хотя теперь я и значу что либо. . . но дѣдъ мой, лучше сказать, родоначальникъ нашей фамилїи былъ ничто иное, какъ нѣкотораго Графа служитель.

ГЕНЕАЛОГИСТЪ.

Да неправда добродїю, я вамъ говорю далебы неправда. Се смѣшно! . . Не уже ли вы хочите лутчи мини знать родословную? Вашъ дядька, бувъ дворяниномъ, знающїй добрѣ даже канцелярскїя дила, съ которымъ совѣтовался по своимъ тяжбамъ. И такъ не полагайте тутъ ни якого рабства; тутъ була самая чистая дружба.

ФЛОРИДОРЪ.

Вы такъ ясно и рѣшительно говорите, что ужь я начинаю вамъ вѣрить.

ГЕНЕАЛОГИСТЪ.

Висьма добрѣ! Но у мини бували дила труднѣйшїи. Чи ни знали вы

одного Тратина, вашего земляка? Изъ богатаго купца сдилавъ я его дворяниномъ, и посли цилымъ дворяниномъ, да и що сего мало.... я заставилъ его вояжировать въ нименчини; винъ у меня бувъ Гетротенбургъ, а иногда Маркизъ Тротенвальдъ; въ Англіи онъ бувъ Лордъ Тронден-дорфъ; и въ Италіи я также ему скомпоновалъ имья, якъ старався объ умноженіи и изобрѣтеніи его дворянства; тамъ онъ у мини бувъ попириминно иногда Синьйоръ Траппинети, и колы Тратинелли, а колы Тратинабди, напослѣдокъ Шляхтпичемъ у Польши уробивъ я его мось паномъ Тратиновскимъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Какъ это можно?

ГЕНЕАЛОГИСТЪ.

Станимъ же типеричко компоновать... Я введу въ вашу родословную сихъ Греческихъ мудрецовъ: быка Аписа, козу Амалтію, шистъ Римскихъ Сенаторовъ, Кон-

стянтинопольскаго Муфтію, да великаго Татарскаго Хана и Египетскихъ мумій, и вси сіи не бильше будитъ коштовать, якъ по двадцати червонцовъ голова въ голову.

ФЛОРИДОРЪ.

Что за дьявольскую родословную ты мнѣ выводишь?

ГЕНЕАЛОГИСТЪ.

Ибо чи хотите вы? щобъ ваше дворянство выросло якъ грибъ въ одну ночь? такъ тилько скажите. И коли вы столько да стилько грошей имае, кольки я отъ васъ потрибую, то можно васъ вывесть сыномъ якой нибудь Республики, умершей безъ дѣтей. Но возвратимся къ нашей матеріи. За сто литъ дворянства мини не бильше треба, якъ тысячу рубливъ. — Потомъ дали, якъ написано въ таблиціи умноженія; да эще, я думаю, ви знаите, що цина дворянству, якъ и антикамъ, назначаится по старшинству времени.

ФЛОРИДОРЪ.

О! коли такЪ, государь мой, то лишь вы не жалѣйте лѣтЪ, а я денегЪ конечно жалѣть не буду.

ГЕНЕАЛОГИСТЪ.

ПоглядиможЪ, на якихЪ основанiяхЪ ми можемЪ воздвигнуть ваше благородство. Спирва я открываю, що дворянинЪ одного сЪ вами прозвища, бувЪ при ГенрихѢ четвертомЪ....

ФЛОРИДОРЪ.

При ГенрихѢ четвертомЪ! АхЪ, государь мой! вы мой отецЪ, мой благодѣтель!

ГЕНЕАЛОГИСТЪ.

Другiй ФлоридорЪ, также дворянинЪ, живЪ при КарлѢ осьмомЪ, и вЪ тiи провинцiи, гди вы ридились.

ФЛОРИДОРЪ (*съ важностiю*).

При КарлѢ осьмомЪ! Надѣйтесь на мою благодарность.

ГЕНЕАЛОГИСТЪ (*въ сторону*).

ЧѣмЪ больше увеличиваю дворянство, тѣмЪ болѣе онЪ гордится.

(*Къ нему.*) Теперичи станимъ продолжать: се таки правда, що у сего Флоридора було два сына, на которыхъ думали; що они шли не по прямой линіи; да що до сего? се ничего не значитъ, и колибъ вси такіи секреты були извѣстны, то бы многіи фамиліи были поддѣланныя, и имѣли бы на своихъ грамотахъ тилько що криви линіи, а прямыхъ бы не бувало у нихъ николи; да що до сего? се вси таки ничего не значитъ. Щастливъ еще той мужъ, коли, имѣя жену, не правитъ у ей должности титулярнаго супруга, потому що съ тихъ поръ, якъ стали при женитьбахъ гоняться за грошима, и якъ стали нивѣстъ торговать мовъ аршинъ сукна, то часто бувае, що той, кто думаетъ, що купуе сукно изъ цилой штуки, часто бере такое, изъ котораго богато уже отрѣзано було аршиновъ.

ФЛОРИДОРЪ

Такъ — но естьли такія дѣти произошли въ законномъ супружествѣ?

ГЕНЕАЛОГИСТЪ.

Всеконично. У насъ многіи дѣти произходятъ отъ законнаго супружества. До намъ що до сего? Мы возвратимся къ родословной. Фамилія Флоридорова произходитъ, кажится, отъ Флорикура, который, бувъ въ крестовыхъ походахъ съ первійшими Италіанскими дворянами, питомъ перевернувъ куро на доръ; и такъ, якъ бачите, що Флоридоръ произшелъ отъ Флорикура.

ФЛОРИДОРЪ.

Государь мой! я очень доволенъ вашимъ знаніемъ, и въ доказательство принимаю васъ въ собственные свои письмоводители.

ГЕНЕАЛОГИСТЪ (*особо*).

Прекрасно! его гордость умножается. (*Къ нему*) Кажется, що сей Флоридоръ получивъ малинькое владѣніе въ Азіи. . .

ФЛОРИДОРЪ.

Владѣніе! О! естьли такъ, то сверхъ письмоводства я дѣлаю васъ и хранителемъ моихъ архивъ.

ГЕНЕАЛОГИСТЪ (*съ насмѣшкою*).

Вашихъ (архивъ! очинь добрѣ. Прощайте, милостивый государь! я пойду збирать разныя виточки дерева, къ которому васъ стану прицѣплять; а между тимъ продолжайте сохранять сей гордый видъ, которій ви на себѣ приняли: онъ всему новому дворянству вельми приличенъ; а бизъ того якъ бы можно було отличить отъ истинныхъ дворянъ? Истинные дворяне суть мало надуты своею великостію, такъ що самаго последняго гражданина часто принимаютъ съ благосклоннымъ видомъ, и при нихъ можно забуть, що находимся съ знатными; а поступки незрилаго дворянина совсимъ не такови. На примѣръ: ви, государь мой, продолжайте, продолжайте. . . . сохранить сій гордый видъ. Слуга вашъ, милостивый государь! слуга вашъ покорный (*отходитъ*) и слуга препокорный.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ФЛОРИДОРЪ (*одинъ*).

Мнѣ кажется, этотъ человѣкъ великой плутъ; а разговоръ ево ничто иное, какъ колкая сатира на тщеславіе, вкравшееся въ мое сердце. Онъ правъ: когда мы покровительствуемы, то рѣдко не доходимъ до низости; а когда сами покровительствуемъ, то становимся горды, а потому и смѣшны бываемъ. . . Валькуръ еще не идетъ. Онъ обѣщалъ итти со мною вмѣстѣ въ театръ, а оттолѣ къ Госпожѣ Юстинѣ. Но уже семь часовъ било.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тотъ же и МОРЕХОДЕЦЪ.

(*Входя*) Здорово, пріятель! Я называюсь Александръ, сильной морской Капитанъ. Я пріѣхалъ изъ Кале по почтѣ, чтобъ сговориться съ дѣвушкой, которая ни съ кѣмъ законнымъ бракомъ не сочетавалась, и которая также мнѣ будетъ очень кстати.

ФЛОРИДОРЪ.

Какъ! — вы сюда пріѣхали изъ Кале по почтѣ за тѣмъ, чтобы сыскать жену?

МОРЕХОДЕЦЪ.

А для чего же и не такъ?

ФЛОРИДОРЪ.

Чудно! а я знаю много такихъ мужей, которые желалибъ отъ своихъ женъ ускакать по почтѣ.

МОРЕХОДЕЦЪ.

Вотъ хорошо! вы Париженцы всегда говорите худо объ женщинахъ, а со всѣмъ тѣмъ вы слывете самыми снизходительными мужьями, самыми. . . Но возвратимся къ тому, за чѣмъ я сюда пріѣхалъ. Мнѣ сорокъ лѣтъ: и такъ я въ самомъ зрѣломъ возрастѣ; весь свѣтъ это знаетъ, и я записалъ объ этомъ въ публичныхъ журналахъ. Я рѣшился было никогда не жениться для того, что опасался слѣдствій женитьбы, и глядѣлъ на нее какъ на лекарство, которое принимаютъ только въ от-

чаянiи; но Журналъ Парижской иначе повелѣваетъ. . . .

ФЛОРИДОРЪ.

Журналъ Парижской! а что бы онъ имѣлъ за общество съ вами?

МОРЕХОДЕЦЪ.

А онъ имѣетъ со мною общество то, что представляетъ мнѣ доброй случай, за которой я ухвачусь обѣими руками какъ за корабельной руль. Я буду восхищенъ, увидя отъ себя отраслей прежде своей смерти; я самъ стану воспитывать дѣтей моихъ, и я имѣть буду изъ нихъ солдатъ, матрозовъ, гребцовъ, мореходцовъ, лоцмановъ. . . . — Э! кстати — знаешь ли ты мою невѣсту? . .

ФЛОРИДОРЪ.

Мнѣ кажется, что не имѣю чести ее знать.

МОРЕХОДЕЦЪ.

Ты ее не знаешь? Ну! такъ чортъ меня возьми! и я столькожъ объ ней вѣдаю.

ФЛОРИДОРЪ.

КакЪ! такЪ вы видно по портрету рѣшились сдѣлать ваше путешествіе?

МОРЕХОДЕЦЪ.

По портрету? НѣтЪ, чортЪ меня возьми, нѣтЪ! я не знаю ни копіи, ни оригинала. Я никогда не видывалЪ ни отца, ни матери, и не знаю совсѣмЪ, кто они такіе, и что дѣлаютЪ; словомЪ, мнѣ не знакома ни одна бѣшеная собака изЪ моей фамиліи.

ФЛОРИДОРЪ.

Разумѣю! Вы влюблены вЪ ту дѣйствующую пружину, которая заставляетЪ работать руки и ноги, вертитЪ всѣ головы; которая вмигЪ изЪ Весталки дѣлаетЪ Лаису, изЪ честнова человѣка плута, изЪ дурака знающева, рѣшитЪ скоропостижно всѣ тяжбы, поддерживаетЪ тѣ домы, которые хотя и упадаютЪ, но не имѣютЪ у себя хорошенькихЪ дѣвицЪ. Короче сказать, это Протей, кото-

рой доводитъ до знатности и нищеты, для того, что у кого есть, того возвышаетъ, а у кого его нѣтъ, тѣ гибнутъ какъ саранча отъ морозу, и онъ въ одно время и другъ и врагъ рода человѣческаго.

МОРЕХОДЕЦЪ.

А что значитъ этотъ другъ и врагъ?

ФЛОРИДОРЪ.

Это настоящее истинное лекарство и пособїе отъ всѣхъ печалей, бѣдъ, хлопотъ и неудовольствїй, которому ничто нигдѣ и никогда не противилось.

МОРЕХОДЕЦЪ.

А! разумѣю — деньги? вотъ на чемъ вы съ ума сходите; но нѣтъ — совсѣмъ не то.

ФЛОРИДОРЪ.

Ну! такъ вамъ очень видно полюбилась красота этой дѣвушки, или слово о ея добронравїи?

МОРЕХОДЕЦЪ.

Нѣтъ! ни то, ни другое. Говорятъ, что она дурна и своенравна; но я ужь о себѣ далъ знать — такъ

и все тутЪ. Я не люблю хорошихЪ
дѣвокЪ; эта дичинка очень двусмы-
сленна.... а все это льнетЪ кЪ
головѣ жениховой. Есть тысяча та-
кихЪ, которыя похищаютЪ названїе
дѣвушки, и изЪ всѣхЪ названїй, я ду-
маю, это самое сомнительное и удоб-
ное сдѣлаться ложнымЪ; и та, кото-
рая носитЪ дѣвичьи уборы, ни мало
не грѣша, можетЪ надѣть на себя вдо-
вей траурЪ. Да читаете ли вы жур-
налЪ?

ФЛОРИДОРЪ.

Всякое утро.

МОРЕХОДЕЦЪ.

Ну! такЪ вы тамЪ видѣли двад-
цать третьяго числа Іюля, седьмаго
Августа. ВЪ первомЪ публикуютЪ о
невѣстѣ; и эта бѣдная дѣвушка сама
о себѣ даетЪ знать. Она говоритЪ,
что она хороша, и сказываетЪ на
ухо скромнымЪ журнальнымЪ Авто-
рамЪ для того, чтобЪ весь свѣтЪ
объ этомЪ узналЪ. У нее есть се-
стра; эта сестра старшая, и такЪ

собой непригожа, что любовники отъ нее бѣгутъ, какъ черти отъ ладану; сродники намѣрены наблюсть хронологической порядокъ въ пристроенiи къ мѣсту своей родни; а младшая, у которой великая охота быть за-мужемъ (эта дѣвушка 15 лѣтъ), находитъ очень смѣшнымъ, что хотятъ отсрочить ея дѣлами для того, что дѣла ея сестры не успѣваютъ; а для такихъ молодыхъ дѣвушекъ, какъ вы знаете, очень хлопотливо . . . .

ФЛОРИДОРЪ.

А! — вижу, вижу. Такъ это вы тотъ самой, которой сдѣлалъ отвѣтъ изъ Кале?

МОРЕХОДЕЦЪ.

Я самъ — чортъ меня возьми! — я самъ . . . . и, какъ ты видишь, прiѣхалъ я моею персоною въ Парижъ жениться на дурной и на старшей — ха! ха! ха! ха! ха!

ФЛОРИДОРЪ.

Да вы, помнится мнѣ, объявили давича себя военнымъ человѣкомъ?

МОРЕХОДЕЦЪ.

Это правда; я имѣлъ на то свои причины. Но дѣло все въ томъ, что я мореходецъ; а чтобъ возвратиться къ моему намѣренїю, то я хочу сдѣлать однимъ разомъ два удара; чтожь касается до моей суженой, и хотя она, благодаря Бога, очень не хороша, но я написалъ въ моемъ отвѣтѣ, что женщина, которая теряетъ со стороны лица, часто выигрываетъ со стороны нрава . . .

ФЛОРИДОРЪ.

Все, что вы ни говорите, походитъ на софизмъ; а часто очень случается видѣть, что женщина какъ наружными, такъ и внутренними достоинствами бываетъ одинакова, а потому и ваше замѣчанїе не очень достаточно, а вся розница. . .

МОРЕХОДЕЦЪ.

О! я ничего не знаю въ этихъ разностяхъ. Я человѣкъ военной, а не Философъ; сверхъ того мореходцу

не много времени остается думать. Я знаю компасЪ и управлять кораблемЪ со стаканомЪ вЪ рукахЪ, сЪ трубкою во рту. Я пью, бранюсь, дымлю, дерусь и никогда не думаю. Не уже ли ты думаешь – чортЪ меня возьми! — что когда я проѣзжу 18 мѣсяцовЪ по морю, то, по моемЪ возвращенiи, мы сЪ ней займемся размышленiями? О! нѣтЪ; мы лучше и веселѣе проведемЪ это время. Повѣсть о моемЪ путешествiи, о нашихЪ сраженiяхЪ, о кораблекрушенiяхЪ, о побѣдахЪ — не ужь ли ты думаешь, что все это? . . . . .

ФЛОРИДОРЪ.

О! все это для женщины, а особливо для молодой, очень забавно!

МОРЕХОДЕЦЪ.

А потомЪ, я самЪ знаю, какЪ передѣлать мою жену. . Я лучше хочу взять на себя этотЪ трудЪ, нежели жениться на какой нибудь, которая захочетЪ засѣять мою полосу, и вЪ то время, когда я бы-

ваю въ Кале, и оттуда возвратясь съ грузомъ, какъ повстрѣчаюсь съ ношею домашнихъ припасовъ, которыхъ тягость докажетъ мнѣ, что буря непостоянства перемѣнила парусы ея вѣрности; а это легко станется, естьли мнѣ попадется какая нибудь . . .

ФЛОРИДОРЪ.

А что это значитъ — какая нибудь? . . .

МОРЕХОДЕЦЪ.

Какая нибудь. . . Это. . . это. . . но. . . это, какъ бы кто сказалъ, женщина, которая. . . въ случаѣ. . . Ну, ну, да чортъ меня возьми ты это лучше меня знаешь.

ФЛОРИДОРЪ.

Разумѣю! это тѣ двусмысленныя животныя, которыя ни дѣвки, ни женщины, а все это вмѣстѣ . . .

МОРЕХОДЕЦЪ.

Точно. . . Но уже поздно; мнѣ недосугъ — окончимъ. . . Мнѣ сказали, что ты недавно далъ дол-

жность отцу моей невѣсты; не можешь ли ты мнѣ разсказать объ немъ чего новинькова?

ФЛОРИДОРЪ.

Нѣтъ; я обо всей этой фамилїи ничего не знаю, да и не слыхивалъ; а развѣ моя жена имъ не знакомалъ; но ее здѣсь въ городѣ теперь нѣтъ, а она не прежде прiѣдетъ, какъ завтра.

МОРЕХОДЕЦЪ.

Такъ я побываю черезъ два дни! . . . Прощай! Но какъ нужно имѣть на одной тетивѣ не одну стрѣлу, такъ возвращусь къ журналу, и велю публиковать, что Александръ сильный, дѣтина пожилой, богатой, и мореходецъ, прискакалъ на почтѣ изъ Кале, чтобъ на дѣвушкѣ подъ No 205 жениться. . . . Слуга вашъ. . . (*отходитъ*)

ЯВЛЕНIЕ 5.

ФЛОРИДОРЪ (*одинъ*).

Вотъ хорошъ молодецъ! прискакалъ изъ Кале нарочно сюда

только за тѣмъ, чтобы сыскать себѣ по журналу честную жену. Онъ конечно не знаетъ, что въ Парижѣ и въ Кале мужья не инако пользуются женами, какъ отданными взаймы деньгами, которыя всегда у постороннихъ; а мужъ слыветъ хозяиномъ имѣнія, которымъ всегда пользуются другіе.

ЯВЛЕНІЕ 6.

ФЛОРИДОРЪ и ВОДОНОСЪ.

ВОДОНОСЪ (*за кулисами*).

Воды! воды! кому надобно воды?

ФЛОРИДОРЪ.

Какой шумъ! чортъ возьми! Этотъ скотъ счелъ за кухню. . .

ВОДОНОСЪ (*взошедъ на театръ*).

Воды, воды! . . . Извини, бояринъ! это отъ тово, что я ношу воду къ Маланьѣ, вашей кухаркѣ; и мы имѣемъ честь снабжать ее водою, тѣмъ охотнѣе, что это самая хорошая работа, и она не худо ею пользуется, и ей не меньше четырехъ разъ на день . . . .

ФЛОРИДОРЪ.

Это все хорошо, мой другЪ! но тебѣ бы надобно знать дорогу.

ВОДОНОСЪ.

Дорогу? . . . О! обЪ этомЪ скажу, что она довольно ужь мною протоптана; я то и дѣло что вхожу и выхожу сЪ моими ведрами, сЪ тою только разностїю, что прихожу сЪ полными, а выхожу всегда сЪ пустыми; но однакожь не обЪ этомЪ, бояринЪ! мнѣ надобно поговорить сЪ тобою.

ФЛОРИДОРЪ.

Да о чемЪ же?

ВОДОНОСЪ.

Послушай. У меня ничего нѣтЪ отЪ тебя тайнова — такЪ мнѣ сЪ тобою поговорить хочется; и такЪ по совѣсти, какЪ духовнику, признаться: мнѣ очень скучно, что я досѣхЪ порЪ не иное что, какЪ только бѣдной водоносЪ.

ФЛОРИДОРЪ.

Да чѣмЪ же ты хочешь быть? Не ужь ли и тебѣ пришла охота сдѣлаться благороднымЪ?

ВОДОНОСЪ.

А для чего же и не такЪ? у меня такая же охота поѣдать имѣніе ближняго, какЪ и у другихЪ.

ФЛОРИДОРЪ.

Да ты, мнѣ кажется, не столька ѣдунЪ, какЪ хорошей питухЪ...

ВОДОНОСЪ.

Чтожь за диковинка, бояринЪ?.. Представь себя на моемЪ мѣстѣ: вЪ нашемЪ состояніи дьявольская работа; крича по воду, охрипнешь. Кухарка зоветЪ — надобно взлазить; устанешь какЪ собака — то тамЪ, то индѣ. Когда хватишь мѣрку другую вина и полмѣрки водки, то отведешь этимЪ душу. Это очень обыкновенно; надобно же, вить ты самЪ знаешь, собраться сЪ силами.

ФЛОРИДОРЪ.

Твое заключеніе, мнѣ кажется, справедливо.

ВОДОНОСЪ.

Послушай же меня, бояринЪ! одно только слово. Вить ты не всегда былЪ знатнымЪ господиномЪ, но это

вить все равно; и ты не всегда носилъ золотое шитье и такое хорошее кружево на манжетахъ. Говорятъ, что ты носишь ихъ по милости твоей хозяйки. Ну! тѣмъ лучше! въ этомъ нѣтъ худова; ты не одинъ, а тысяча есть такихъ; но вить отъ малинькова и до большова, такъ какъ и я.... Мнѣ бы очень хотѣлось сдѣлать свое щастье; а какъ ты имѣешь случай доставлять мѣста....

ФЛОРИДОРЪ.

Да какоежь ты хочешь мѣсто, чтобъ я тебѣ далъ?

ВОДОНОСЪ.

Послушай, бояринъ! мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ я былъ въ своей прежней должности.

ФЛОРИДОРЪ.

Хорошо. А какая была твоя первая должность?

ВОДОНОСЪ.

Должность? Постой на часъ: я думаю, что я ее не вспомню.

ФЛОРИДОРЪ.

Какъ! ты ее не помнишь?

ВОДОНОСЪ.

Нѣтъ... для того, что у меня была еще передъ этой другая должность.

ФЛОРИДОРЪ.

Какая же?

ВОДОНОСЪ.

Да то, что я тебѣ сказывалъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Да ты мнѣ еще ничего не сказывалъ.

ВОДОНОСЪ.

Ничего? - Ну! такъ я виноватъ. Такъ постой же. Это... нѣтъ... такъ... точно... это было по пріѣздѣ изъ Ганесы...

ФЛОРИДОРЪ.

Изъ Ганесы? да что ты мнѣ тутъ городишь?

ВОДОНОСЪ.

Да, да, изъ Ганесы... Развѣ не льзя пріѣхать изъ Ганесы, когда я тамъ родился?

ФЛОРИДОРЪ.

Ну! чтожь пріѣхавши оттоль?...

ВОДОНОСЪ.

Ну, пріѣхавши оттоль, я былъ товарищемъ въ хлѣбной лавкѣ,

которой хозяйка была . . . О! это забавно! Ея хлѣбы были очень вкусны, а для тово-то ея лавка и не была порожнею; у ней всегда найдешь маленькія прекрасныя на молокѣ булки, фигуры, бѣлизны . . . О! такихъ хлѣбовъ не найдешь на рынкѣ; на нихъ нѣтъ ни пылинки, и она въ работѣ такъ же сильно поворачивалась, какъ мущина.

ФЛОРИДОРЪ.

Для чегожь ты оставилъ такую хорошую должность?

ВОДОНОСЪ.

Оставилъ! . . . Да вить не всегда можно быть на одномъ мѣстѣ . . . Какъ мужу худо натолкують . . . Я и самъ не знаю, какъ это кончилось; но въ одинъ день, когда ужь я совсѣмъ приготовился въ печь сажать — ему показалось, что я не хорошо дѣлаю, и что опара слишкомъ ужь высоко поднялась, и для того не только онъ меня въ одинъ день вытолкалъ вонъ, и божился, что я

никогда не буду мѣсить въ его кадкѣ.

ФЛОРИДОРЪ.

Послѣ этова ты конечно искалъ другой такой же лавки?

ВОДОНОСЪ.

Нѣтъ! это у меня отъ нихъ сбило охоту, и я началъ дѣлать свои корованы.

ФЛОРИДОРЪ.

Какъ! корованы?

ВОДОНОСЪ.

Да, прогуливаясь по городу на козлахъ съ большими на ногахъ сапогами, въ шерстяномъ калпакѣ и съ хлыстикомъ въ рукахъ. . .

ФЛОРИДОРЪ

Разумѣю! ты сдѣлался Парижскимъ извощикомъ?

ВОДОНОСЪ.

Такъ точно, извощикомъ; но не такимъ негоднымъ извощикомъ, которые опрокидываютъ коляски, какъ то сдѣлалъ одинъ изъ моихъ товарищей, которой везъ молодую

молошницу съ молодымъ Аббатомъ. На площади, предъ Королевскимъ домомъ, его лошадь закусила узду и зачала биться, и все полетѣло къ чорту. Это не чудно, и отъ тово не сдѣлалось много стыда. Монахъ замочилъ свою епанчу; молошница разбила крынку съ молокомъ, а извощикъ потерялъ выѣзженныя деньги.

ФЛОРИДОРЪ.

Это, правду сказать, очень забавно! Ну! а ты?

ВОДОНОСЪ.

Я?.... я былъ благопристойнѣе ихъ, а больше всего въ публикѣ; я нигдѣ не опрокидывалъ колясокъ для того, чтобъ не надѣлать стыда и не быть биту.

ФЛОРИДОРЪ.

Потомъ развѣ ужь ты извощикомъ быть не хотѣлъ?

ВОДОНОСЪ.

О! это не моя вина; въ томъ я шлюсь на мои ведры и на моихъ лошадей; онѣ еще и теперь живы и могутъ это сказать. Это не-

щастіе, этотъ случай . . . какой-то дьяволъ со шпагою въ рукахъ . . . О! да полно я отдѣлался отъ этова тридцатью ударами палокъ . . . .

ФЛОРИДОРЪ.

Послушай! ты мнѣ очень понравился своимъ веселымъ нравомъ, и естьли ты хочешь, то я тебя сдѣлаю приворотникомъ одного порядочнаго дома.

ВОДОНОСЪ.

Приворотникомъ? — приворотникомъ? О! это меня заставляетъ тебя очень любить. Моя чувствительность, мои слезы . . . нѣтъ! да я лучше пойду выпью за твое здоровье.

ФЛОРИДОРЪ.

Пожалуй уволь себя отъ этова — я не боленъ.

ВОДОНОСЪ.

Что нужды? благодарность всегда нужна; это же придаетъ больше силы, чтобъ кричать: воды! воды! воды! (*отходитъ*)

ФЛОРИДОРЪ.

Я и забылъ ево спросить. Послушай, водоносъ! .

ВОДОНОСЪ (*за театромъ*).

Воды! воды! воды!

ФЛОРИДОРЪ.

Оставь свою воду; я у тебя ее не требую.

ВОДОНОСЪ.

Моей воды? — О! это лучшая вода изо всего Парижа; я ее черпалъ изъ самой средины Сены, и это самая свѣжая. Воды! воды! воды!

ФЛОРИДОРЪ.

О! оставь ты свою воду, я тебѣ говорю; а скажи мнѣ, умѣешь ли ты писать?

ВОДОНОСЪ.

Писать? . . О! я очень хорошо подписываю свое имя и записываю порядочно, сколько раздаю въ долгъ воды, да только я читать не умѣю.

ФЛОРИДОРЪ.

Вотъ прямо ученой человѣкъ!

ВОДОНОСЪ.

О! когда я говорю, что я не знаю читать, такъ это значитъ,

что я умѣю читать и порядочно различаю литеру отъ литеры.

ФЛОРИДОРЪ.

Чтобъ чортъ тебя побралъ съ твоими различенїями; но ужь довольно ты навралъ. Прощай!

ВОДОНОСЪ.

Доброй вечеръ! — Я не прощаюсь до свиданья. Примемся же опять кричать: воды! воды! воды!

ЯВЛЕНIЕ 7.

ФЛОРИДОРЪ и МОШЕННИКЪ.

МОШЕННИКЪ

Государь мой! не вы ли мужъ той госпожи, которая, сказываютъ, очень любитъ дѣлать благополучныхъ?

ФЛОРИДОРЪ,

Вы хотите сказать, что она посвятила себя на то, чтобъ одолжать?

МОШЕННИКЪ.

Да, конечно, съ тѣмъ, чтобъ ей самой за то платили.

ФЛОРИДОРЪ.

Какъ бы то ни было, хорошо! я ея мужъ. Скажите, что вамъ угодно?

МОШЕННИКЪ.

Не нужно ли вамъ маленькой взять урокъ?

ФЛОРИДОРЪ.

Въ этомъ нарядѣ! Вы, мнѣ кажется, съ своими уроками всего скорѣе доведете въ больницу или въ тюрьму.

МОШЕННИКЪ.

О, сударь! безъ хвастовства сказать, что я ѣздилъ на фортунѣ какъ на верховой лошади, но теперь . . .

ФЛОРИДОРЪ.

Да, теперь очень видно, что вы не ѣздокъ, но хорошій пѣшеходецъ.

МОШЕННИКЪ.

Я пришелъ просить Госпожу Услужникову, чтобъ доставить мнѣ почтенное и доходное мѣсто при Таможнѣ.

ФЛОРИДОРЪ.

Почтенное и доходное мѣсто при Таможнѣ! Да въ состоянiи ли вы занимать его?

МОШЕННИКЪ.

А для чего же и не такъ, сударь? Хотя мое воспитанiе было не блистательно, но я твердо знаю свои четыре правила; отъ природы я не слишкомъ гибокъ, и имѣю душу каменную; а этова и довольно, чтобъ сдѣлаться Таможеннымъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Очень хорошо, сударь! да какая же теперь ваша должность?

МОШЕННИКЪ.

Вы видите, что я имѣю самыя лучшiя ноги въ свѣтѣ; я герой скачковъ и украшенiе дансеровъ.

ФЛОРИДОРЪ.

И наконецъ? . . .

МОШЕННИКЪ.

Мой отецъ былъ самой извѣстной дансеръ во всей провинцiи, и мои предки отъ самаго потопа наслѣдо-

вали это искуство отъ своихъ отцовъ; моя фамилія такъ пристрастна къ танцованію, что всѣ изъ нее померли въ судорогахъ отъ того, что много гнулись, и весь городъ Марселія этому свидѣтель.

ФЛОРИДОРЪ.

Отецъ вашъ также гнулся?

МОШЕННИКЪ.

Я лишенъ удовольствія знать отца моего, и кто онъ былъ такой.

ФЛОРИДОРЪ.

Какъ видно, такъ вы свою родословную не очень твердо знаете.

МОШЕННИКЪ.

Это не удивительно, сударь! да многія ли дѣти похвастаются тѣмъ, что знаютъ отцовъ своихъ? . . Что до меня касается, такъ смѣю сказать, что я родился съ дарованіемъ къ танцамъ въ семь мѣсяцевъ; я уже зналъ мои пять положеній. Въ осьмнадцать я танцовалъ сарабайду, пять позиціоновъ со щелкушками; потомъ когда я усовер-

шенствовалъ себя, то сдѣлался танцмейстеромъ провинцїальной Оперы. Я имѣлъ щастїе показать свой опытъ подъ смычкомъ . . . но какъ Опера упала . . .

ФЛОРИДОРЪ.

Разумѣю. Этотъ смычокъ былъ особливаго роду, и отъ него тебѣ наконецъ сдѣлалось эдакъ вредно.

МОШЕННИКЪ.

Ахъ, сударь! я отказался отъ танцовъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Ты похвально сдѣлалъ.

МОШЕННИКЪ.

А какъ я играю очень хорошо на манбуринѣ и на морской трубѣ, то я взялся за музыку; и я съ чрезвычайнымъ искуствомъ играю прямо, когда мнѣ хорошо аккомпапируютъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Какъ! тансеръ и музыкантъ!..

МОШЕННИКЪ.

Э, сударь! да это еще ничего. Я оставилъ музыку и ударился въ живопись.

ФЛОРИДОРЪ.

Хорошо, господинъ универсальной художникъ! Но когда ты списываешь женщинъ, то дѣлаешь ли на нихъ похожихъ? . .

МОШЕННИКЪ.

О! сударь! я въ этомъ превеликой искусникъ, и признаюсь, что я больше успѣваю, когда возобновляю старые подлинники.

ФЛОРИДОРЪ.

Какъ! ты осмѣливаешься пачкать и портить то, что остается намъ отъ древности?

МОШЕННИКЪ.

Вы не разумѣете меня. . . Не видали ли вы когда лица, на которомъ лѣта и оспа надѣлали много неравностей, и около которыхъ любовь не слишкомъ трется? Ну! такъ разъ, два — и я тотчасъ наполню. Шестидесятилѣтней рожѣ я даю личико осьмнадцати-лѣтней дѣвушки. . . О! я божусь, что пять или шесть пріемовъ, моею кистью искусно сдѣланные, замѣшаютъ и самаго лучшаго Хронолога.

ФЛОРИДОРЪ.

Да развѣ ужь и не льзя примѣтить, что это рисовка?

МОШЕННИКЪ.

Вотъ хорошо!.. Естьлибъ вы видѣли пару бровей, которыя я подарилъ старой Ассессоршѣ, вы бы сами въ нихъ обманулись; и мужъ ея не примѣтилъ этова иначе, какъ глядя въ очки.

ФЛОРИДОРЪ.

Но когда ты обладаешь столь многими искуствами, такъ для чего?..

МОШЕННИКЪ.

Совсѣмъ нѣтъ, сударь! я оставилъ живопись и сдѣлался мушкетеромъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Мушкетеромъ!..

МОШЕННИКЪ.

Такъ сударь, для того, чтобъ показать, что я могу имѣть дѣло не съ однѣми женскими рожами. (*Вынимаетъ клистиръ.*)

ФЛОРИДОРЪ.

О! понимаю. Да ты, братецъ, рѣдкой искусникъ!

МОШЕННИКЪ.

Вамъ не трудно узнать это, сударь! но надобно еще доказать, что къ формассіи я присоединяю Медицину и Хирургію; даю слабительныя, щупаю, прижимаю, вкладываю, пилю, провертываю, стригу, отрѣзываю, ломаю, разщепляю, разрушаю, раздираю, рѣжу, развихливаю, отдѣляю, надрѣзываю, вырѣзываю, искореняю, составляю и кладу; дѣлаю такіе декокты, которые могутъ придать красоты женщинамъ, не дотрогиваясь до нихъ, и могу сдѣлать ихъ такъ молодыми, что онѣ и сами этова не примѣтятъ. Но одно приключеніе съ дансеркою отохотило меня отъ этова искуства, и я перемѣнилъ его на рапиру.

ФЛОРИДОРЪ.

Что за дьявольщина!

МОШЕННИКЪ.

О! я первой человѣкъ въ свѣтѣ въ этой наукѣ. Нужно ли дать хоро-

шій штоцъ чести мужа по желанію его жены, или должнику отдѣлаться отъ своего заимодавца, я управляю этими коммисіями съ великимъ успѣхомъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Ты препочтенную для общества отправляешь должность.

МОШЕННИКЪ.

О! вы увидите, что я могу дѣлать. — Дѣлайте приступъ ко мнѣ. (*даетъ рапиру.*)

ФЛОРИДОРЪ.

Я, сударь?

МОШЕННИКЪ.

Да, сударь, вы сами; а для чего же и не такъ? . . .

ФЛОРИДОРЪ.

Да я ни малой не имѣю охоты дѣлать нападеній.

МОШЕННИКЪ.

Маленькую схватку, сударь.

ФЛОРИДОРЪ.

Увольте меня.

МОШЕННИКЪ.

Вы мнѣ не откажете въ чести?

ФЛОРИДОРЪ.

Но . . . еще . . .

МОШЕННИКЪ.

Прошу васъ . . .

ФЛОРИДОРЪ.

Да я не намѣренъ . . . .

МОШЕННИКЪ.

Пожалуйте.

ФЛОРИДОРЪ.

Ну! инъ давайте, когда не льзя отъ васъ иначе отдѣлаться.

МОШЕННИКЪ.

Зачнемъ-*те*, сударь! . . въ позитуру! . . берегитесь! . . Какой я хитрой поединщикъ! Разъ, два, три. . . (*подставляетъ къ груди писто-летъ.*) Не тронься, или смерть твоя! (*Выхватываетъ часы и выбиваетъ рапиру.*) — Прощай, государь мой! вотъ одинъ изъ моихъ обыкновенныхъ уроковъ. (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ 8.

ФЛОРИДОРЪ *одинъ*.

Вотъ право самой безпутной мошенникъ! . . Но гдѣ бездѣльники

мои люди? Эй! Жасминъ! Пикардъ! никого нѣтъ! Естьли мнѣ за нимъ самому бѣжать, то кто другой изъ его шайки еще важнѣе здѣсь сдѣлаетъ покражу. Эй! кто нибудь! Ни души нѣтъ . . . Ежелибъ я давича сталъ кричать, онъ бы вѣрно струсилъ и убѣжалъ . . . Но зараженной пистолетъ. . . . Нѣтъ, слава Богу! что я удержался и не закричалъ, а инако одинъ моментъ — и я мертвъ. . . . Эй Пикардъ! Лафлеръ! Лабри!

ЯВЛЕНІЕ 9.

ФЛОРИДОРЪ и ПРОСТЯКЪ.

ПРОСТЯКЪ *за театромъ.*

Иду, бояринъ . . .

ФЛОРИДОРЪ.

Кто тамъ такой?

ПРОСТЯКЪ.

Это, я бояринъ, комнатной лакей Госпожи Іозанны, горнишной женщины, боярыни въ деревнѣ — тамъ, откуда еще съ недѣлю какъ пріѣхалъ вотъ въ этихъ сапогахъ, и отъ жажды чуть не тресну.

ФЛОРИДОРЪ.

Не видалъ ли ты, куда пошелъ вышедшій отсюда на деревяшкѣ человѣкъ?

ПРОСТЯКЪ.

На деревяшкѣ, бояринъ? — О! онъ уже далеко, и все бѣжитъ; а чтобъ способнѣе было, такъ онъ взялъ свою ногу подъ пазуху, чтобъ поскорѣе бѣжать, или чтобъ никто не могъ его настичь.

ФЛОРИДОРЪ.

Какъ, *дуракъ! ты, кажется,* изъ моей деревни? Ну! скажи мнѣ, какъ *живетъ* моя *жена?* веселится ли она по немногу?

ПРОСТЯКЪ.

По немногу, бояринъ? . . вы шутите!

ФЛОРИДОРЪ.

Какъ, шучу?

ПРОСТЯКЪ.

Конечно шутишь, бояринъ . . . Вы, господа, любите надъ нами бѣдняками издѣваться, какъ будто . . .

ФЛОРИДОРЪ.

Ну! да по крайней мѣрѣ что же тамъ есть новаго?

ПРОСТЯКЪ.

Новаго, бояринъ? ничего нѣтъ, совсѣмъ ничего!

ФЛОРИДОРЪ.

Да вѣрно у тебя есть ко мнѣ письмо?

ПРОСТЯКЪ.

Письмо? . . Я не думаю.

ФЛОРИДОРЪ.

Какъ! — *ты и* не думаешь?

ПРОСТЯКЪ.

Да, бояринъ, для того, что никто мнѣ его не давалъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Ну! да естьли нѣтъ письма, то вѣрно что нибудь велѣли сказать?

ПРОСТЯКЪ.

Нѣтъ, бояринъ! мнѣ никто ничего не говорилъ, а говорю только одинъ я.

ФЛОРИДОРЪ.

Да что ты это такъ прячешь въ шляпу?

ПРОСТЯКЪ.

О! это ничего, бояринЪ. . , это. . .

ФЛОРИДОРЪ.

Это перо изЪ моего павлина.

ПРОСТЯКЪ.

Да, бояринЪ, и оно очень хорошо.

ФЛОРИДОРЪ.

Очень хорошо, бездѣльникЪ? но на что было его вырывать?

ПРОСТЯКЪ.

Вырывать, бояринЪ? — я не одинЪ былЪ; всѣ щипали, и я также. . . . Я сказалЪ — мнѣ это ничего не будетЪ стоить.

ФЛОРИДОРЪ.

КакЪ, бездѣльникЪ! всѣ щипали?

ПРОСТЯКЪ.

О! этотЪ бѣдной звѣрокЪ. . . Да онЪ, бояринЪ, тамЪ подЪ застрѣхой не говоритЪ ни слова.

ФЛОРИДОРЪ.

Подъ застрѣхой? Какъ! развѣ онъ умеръ?

ПРОСТЯКЪ.

Да, бояринъ, онъ скончался; а вчерась еще по утру прохаживался на птичьемъ дворѣ веселехонекъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Вы, негодяи, вѣрно уморили его съ голоду?

ПРОСТЯКЪ.

Напротивъ того, бояринъ, онъ умеръ отъ обжорства.

ФЛОРИДОРЪ.

Какъ, отъ обжорства?

ПРОСТЯКЪ.

Да, бояринъ, для того, что онъ обжирался... какъ лошадь.

ФЛОРИДОРЪ (*дразня его*).

Какъ лошадь... мой павлинъ?

ПРОСТЯКЪ.

Да, бояринъ, лошадь.

ФЛОРИДОРЪ.

Лошадь.... мой павлинЪ? Да что ты мнѣ за чертовщину городишь?

ПРОСТЯКЪ.

О! это другая исторія, бояринЪ... ОтЪ 25-та миль...что... ты не знаешь ... отЪ которыхЪ лошадь такЪ устала, что бѣдной скотЪ лопнулЪ, и его бросили вЪ ровЪ.

ФЛОРИДОРЪ.

Да что за лошадь?

ПРОСТЯКЪ.

Да, бояринЪ, коротко-хвостая; сЪ тебя-то ростомЪ, которая скакала такЪ хорошо..... о! я обЪ ней очень долго плакалЪ.

ФЛОРИДОРЪ.

Да скажи, чья была эта лошадь?

ПРОСТЯКЪ.

Твоя, бояринЪ, которая, говорятЪ, привезена была изЪ Англіи.

ФЛОРИДОРЪ.

КакЪ! моя прекрасная Аглинская лошадь?...

ПРОСТЯКЪ.

Да она была очень красива. . она была такъ хороша, какъ бояринъ. . . говорятъ. . .

ФЛОРИДОРЪ.

Плутъ! да скажи мнѣ, отъ чего она умерла?

ПРОСТЯКЪ.

Да я по чемъ знаю, бояринъ? Развѣ можетъ быть отъ того, что на ней ѣздили верхомъ для госпожи . . .

ФЛОРИДОРЪ.

Для госпожи? да ктожь на ней ѣздилъ?

ПРОСТЯКЪ.

Господинъ Аббатъ осѣдлалъ лошадь, чтобъ ѣхать скорѣе.

ФЛОРИДОРЪ.

Скорѣе? да кудажъ?

ПРОСТЯКЪ.

Да то-та, говорю, за 25 миль.

ФЛОРИДОРЪ.

За 25 миль? да и на что?

ПРОСТЯКЪ.

Сыскать своего товарища, котораго дома не застали, и которой не прежде успѣлъ прїѣхать, какъ послали за другимъ, и какъ ужь не чѣмъ было пособить. . .

ФЛОРИДОРЪ.

Но на что этотъ товарищъ?

ПРОСТЯКЪ.

Да вы знаете, лекаря для боярыни. . .

ФЛОРИДОРЪ.

Лекаря! да развѣ она больна?

ПРОСТЯКЪ.

То нѣтъ, бояринъ! хорошо, какъ бы это такъ было. . .

ФЛОРИДОРЪ.

Какъ, бездѣльникъ!

ПРОСТЯКЪ.

Да конечно, бояринъ! Боярыня больна, однако. . .

ФЛОРИДОРЪ.

Что, однако? . . .

ПРОСТЯКЪ.

А то, что она умерла, бояринъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Какъ, мошенникъ! ты меня цѣлой часъ мучилъ, не сказавъ ничего рѣшительно? . . Говори, какъ жена моя умерла?

ПРОСТЯКЪ.

Да, бояринъ, умерла, и ни о чемъ не думавши, или отъ того, что прогуливалась въ маленькомъ лѣсу съ господиномъ Аббатомъ, или отъ того, что она упала; да только это ничего. Слава Богу! что не ушиблась.

ФЛОРИДОРЪ.

Не ушиблась! такъ она не умерла?

ПРОСТЯКЪ.

То такъ умерла, бояринъ, и очень умерла, да только не отъ того, а отъ другова.

ФЛОРИДОРЪ.

Да отъ чего же, плутъ?

ПРОСТЯКЪ.

Отъ страха, бояринъ!

ФЛОРИДОРЪ.

Отъ страха!

ПРОСТЯКЪ.

Да, бояринъ, отъ того, что громъ обрушился на нашу деревню и пожегъ всѣхъ людей, и стѣны даже, и погреба не оставилъ. Ах! об этомъ *страшно* и подумать! Вино все разлито.

ФЛОРИДОРЪ.

Боже мой! я погибъ! жена моя умерла! домъ сгорѣлъ! Я погибъ! Лошадь! скорѣе лошадь!

ПРОСТЯКЪ.

Какъ, бояринъ! развѣ ты теперь хочешь ѣхать въ дорогу?

ФЛОРИДОРЪ.

Для чегожь, скверневецъ, не ѣхать, когда въ два часа . . .

ПРОСТЯКЪ.

Въ два часа? У меня десять прошло, не считая сѣна и овса для лошади.

ФЛОРИДОРЪ.

Какъ, мошенникъ! десять часовъ, чтобъ переѣхать четыре мили?

ПРОСТЯКЪ.

Четыре мили? осьмнадцать, бояринъ! Вить это еще цѣлую милю за Конпїенгомъ.

ФЛОРИДОРЪ.

За Конпїенгомъ? такъ развѣ ты не отъ меня прїѣхалъ?

ПРОСТЯКЪ.

Не отъ тебя, сударь. Я пришелъ одинъ съ надписью, и какъ мнѣ сказали новой домъ на мощеной улицѣ.....

ФЛОРИДОРЪ.

На мощеной! да на какой?

ПРОСТЯКЪ.

На какой? а я почемъ знаю?

ФЛОРИДОРЪ.

Да какъ называется твоя госпожа?

ПРОСТЯКЪ.

О! да вить ты знаешь .... развѣ ты шутишь хочешь?

ФЛОРИДОРЪ (*взявъ его за воротъ*).

Шутить? Нѣтъ! я не шучу; а скажешь ли ты мнѣ все въ сїю минуту?

ПРОСТЯКЪ.

Ну, ну, бояринъ! да она называется, какъ ты, госпожа Жерзакъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Жерзакъ! уфъ! я отдыхаю. Дуручина! ты не тутъ ее ищешь. . . Не назвалиль тебѣ луговую улицу на болотѣ?

ПРОСТЯКЪ.

Да, кажется, будто такъ! и впрямъ такъ! Да, да, луговая улица на болотѣ! она! она! тьфу пропасть!

ФЛОРИДОРЪ.

Такъ пошелъ же, скотина, далѣе туды за болото! тамъ живетъ твой господинъ.

ПРОСТЯКЪ.

Такъ мнѣ еще итти надобно?

ФЛОРИДОРЪ.

Да, конечно. Пострѣлъ! бѣги скорѣй.

ПРОСТЯКЪ.

Да развѣ не все одно, бояринъ, когда и здѣсь мощеная улица?

ФЛОРИДОРЪ.

Да здѣсь и всѣ мощеныя улицы, повѣса! ступай же!

ПРОСТЯКЪ.

Какъ! такъ мнѣ итти и не ѣвши?

ФЛОРИДОРЪ.

Поди, прожора! ты въ кухнѣ напьешься.

ПРОСТЯКЪ.

Какая дьявольщина! это умильно. Въ здѣшнихъ улицахъ, только что съ дороги собьюсь, ничего нельзя узнать. . . Что мнѣ скажетъ теперь моя матушка? (*Выходитъ плачучи.*)

ЯВЛЕНІЕ 10.

ФЛОРИДОРЪ *одинъ.*

Этотъ дурачина привелъ меня въ смертельной страхъ. Жена моя умерла! домъ мой сгорѣлъ! и при всемъ томъ нѣтъ у него ничего новаго.... А Валькуръ нейдетъ. Мнѣ кажется, что севодни долженъ остаться во весь вечеръ дома, и не увижу никакой другой комедіи, кромѣ той, которую доставляютъ мнѣ разные подлинники, приходящіе просить моего *предстательства.*

ЯВЛЕНІЕ 11.

ФЛОРИДОРЪ и ЧЕЛОБИТЧИЦА.

ЧЕЛОБИТЧИЦА (*за театромъ*).

Жаль! Поди, отнеси отъ меня эту связку бумагъ и этотъ пирогъ моему Прокурору; авосьлибо этотъ толстой прожора будетъ лучше... смотрѣть за моимъ дѣломъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Кто это тамъ? Это, я думаю, какая нибудь сутяга.

ЧЕЛОБИТЧИЦА (*входя на театръ*).

Здравствуй, сударь! господинъ Грипарю, мой Прокуроръ, и господинъ Суфлеисплуя, мой повѣренной, назначили меня къ тебѣ, чтобъ ты былъ моимъ стряпчимъ по моему дѣлу. Я бью челомъ на моего дѣда, на мою бабку, на моего отца, на мою мать, на моихъ сестръ, на моихъ братьевъ, на моего мужа, на моихъ племянниковъ, на моихъ племянницъ, на моихъ деверей, на моихъ падчерицъ, на моихъ дѣтей, на моихъ свояковъ, и наконецъ я бью челомъ на всю мою родню, на живыхъ и на мертвыхъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Какое изобилїе тяжебъ! . . .

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Ахъ, сударь! это противъ моей воли. Я увѣряю васъ. . . что я женщина самая смирная, самая тихая и самая простая — истинной барашикъ, мой батюшка, истинной барашикъ. Я ненавижу тяжбы,

проклинаю дѣла и никогда не спорю, мой батюшка, никогда; но ежели одинъ разъ меня разсердятъ — о! тогда ужь совсѣмъ другое! Я бью челомъ, кричу, прошу, бранюсь, дерусь, кусаю, царапаю, и въ случаѣ нужды переломаю руки и ноги; но какъ скоро это пройдетъ, не успѣешь рукой махнуть! Минуту спустя, я ужь объ этомъ совсѣмъ и не думаю, мой батюшка, совсѣмъ не думаю. Это я говорю, мой батюшка, для того, чтобы увѣдомить тебя, что я не запрометчива, не взбалмошна, не сутяга, не болтушка, не крикунья, и когда есть у меня что нибудь на сердцѣ, то ужь я въ минуту дѣло окончаю. И такъ ты видишь, мой батюшка, что я не употреблю во зло твою благосклонность; я бы и не пришла сюда, естьли бы покойной Бовардинъ, мой стряпчїй, которой жилъ здѣсь, по близости въ улицѣ большова горлана — присвой Господи его душу! — и которой мнѣ въ одну аудїенцїю кончилъ 15 тяжебъ,

пятнадцать, мой батюшка, пятнадцать! легко то молвить . . . . Естьлибъ онъ не умеръ скоропостижно, вышедши изъ-за стола послѣ ужина, гдѣ ужь ничего болѣе не осталось, то бы. . . .

ФЛОРИДОРЪ.

Да, подлинно, сударыня, это жалкое приключенїе!

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Онъ былъ, мой батюшка, не больше моего костылька: хитръ какъ обезьяна, лукавъ какъ лисица, сутяга до крайности, и которой одинъ своими тяжбами хотѣлъ разорить всю нашу провинцїю.

ФЛОРИДОРЪ

Такая потеря подлинно . . .

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Невозвратна, мой батюшка, невозвратна. Покойникъ Бовардинъ довольно доказалъ себя; онъ довелъ до смерти двухъ Нормандскихъ челобитчицъ . . .

ФЛОРИДОРЪ.

До смерти двухъ Нормандскихъ челобитчицъ? . . .

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Такъ, мой батюшка, до смерти . . . упряталъ въ тюрьму и адвокатовъ Майскихъ, которые хлопотали по этому дѣлу, и онъ одинъ надѣлалъ болѣе сиротъ, нежели сколько писемъ находится въ его кабинетѣ.

ФЛОРИДОРЪ.

Хорошо, сударыня! да я то къ чему тутъ нуженъ?

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Какъ, мой батюшка! надобно, чтобъ ты ему подражалъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Я, сударыня? . . .

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

А для чего же и не такъ, мой батюшка? . . . Но возвратимся къ нашему дѣлу. Въ 1710 году Іюля

13 дня въ 8 часовъ, въ 11 й минутѣ, въ 9 й секундѣ по полудни, я вышла безъ пѣсенъ, безъ музыки для того, что я ненавижу всякой шумъ, за Христофора Банифоса, Пахома долгова, Перегурдинскаго дворянина.

ФЛОРИДОРЪ.

То-то острая память! ничто не забыто!

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Семь мѣсяцовъ, 17 дней, 4 часа, 20 минутъ спустя послѣ моего супружества, Богъ мнѣ далъ толстова дворянина. Мужъ мой, будучи безтолковъ и не любя скорыхъ плодовъ, билъ на меня челомъ.

ФЛОРИДОРЪ.

О! . . . онъ виноватъ!

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Три мѣсяца . . . нѣтъ! нѣтъ! три года спустя я родила дѣвушку и била на него челомъ, для чего плоды долго не поспѣваютъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Вы очень хорошо сдѣлали!

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Ахъ, сударь! супружество такое трудное и тяжкое иго, которое не льзя не спотыкаясь долго нести. Хоть всякой мущина говоритъ, что онъ любитъ; но время страсти проходитъ: за нимъ наступаетъ равнодушіе, потомъ презрѣніе, потомъ брань, а потомъ бьютъ челомъ, жалуются, кричатъ, дерутся, бранятся, бѣсятся, царапаются, и потомъ разходятся.

ФЛОРИДОРЪ.

Наконецъ, сударыня? . .

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Наконецъ, мой батюшка, спустя 8 лѣтъ, я узнала сестеръ господина Долговя; мы свидѣлись, поссорились: онѣ били на меня челомъ, а я на нихъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Прекрасно!

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Мои дѣти, выросши велики, стали ябедничать, и мы другъ на друга били челомъ; моя матушка сдѣлалась болтуньей, а чтобъ заставить ее быть молчаливѣе, я на нее била челомъ. Это дѣло было щекотливо, и я прибѣгла къ проискамъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Да, у добрыхъ судей хорошія челобитчицы придаютъ дѣламъ сильныя движенія.

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Ахъ, сударь! мои были ужасно трудны, но онѣ нашли съ кѣмъ потягаться; и я работала такъ много, такъ много, что наконецъ стали и мое дѣло судить.

ФЛОРИДОРЪ.

Далѣе, далѣе, сударыня!

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Это не безъ труда было, мой батюшка. И я не все еще вамъ ска-

зываю, чего мнѣ это стоило; но естьли челобитчица молода и имѣетъ красоту, то за ней, какъ гончія собаки за зайцемъ, гоняются, и она никакъ не можетъ избѣжать время опаснаго, преткновенія и вздоховъ; а хотя она и противится бурѣ, напослѣдокъ приходитъ вѣтеръ обѣщанія и угрозъ: вѣтеръ дуетъ со всею жестокостію — открывается мысъ доброй надежды; челобитчица хочетъ спастись: ее наноситъ на камень, и вотъ судно опрокинуто; а въ этой крайности добродѣтели трудно вплавь спастись.

ФЛОРИДОРЪ.

Нынѣшняя однакожь добродѣтель такъ легка, какъ пробка, и ей можно плыть по водѣ; но ваша честь спаслась ли вплавь? . . .

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Ахъ, мой батюшка! Не рѣдко и самой искусной пловецъ идетъ какъ ключь ко дну.

ФЛОРИДОРЪ.

Разумѣю! такъ вы по этому счету выиграли ваше дѣлу? . . .

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Нѣтъ, мой батюшка, и что чудно, то я его проиграла. Взбѣсясь отъ этова, я оставила своего повереннаго, била челомъ на Судью, на стряпчаго, на Секретаря, на Коммисара, на копеиста, на Прокурора и на его подьячихъ; но не говоря болѣе, я сдѣлаю лучше, когда покажу вамъ мои документы . . . .

ФЛОРИДОРЪ.

О! я васъ избавляю отъ этова.

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Они въ добромъ порядкѣ.

ФЛОРИДОРЪ.

Я вѣрю; но я не любопытенъ.

ЧЕЛОБИТЧИЦА (*становится на колѣни*).

Какъ, господинъ Судья! ты не хочешь вступиться въ мои дѣла?

ФЛОРИДОРЪ.

Да за кого вы меня принимаете?

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

За стряпчаго тяжебныхъ дѣлъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Эхъ, сударыня! Онъ живетъ въ верху.

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Какъ, мой батюшка! ты пользуешься моею ошибкою, чтобъ вызнать секреты моей фамиліи? Знаешь ли, сударь, что это далеко завести можетъ, и что ты самъ не останешься цѣлъ? Почемъ я знаю, естьлибъ теперь были у меня хотя два только свидѣтеля, хотя бы не больше моего пальца, я бы тогда подала обьявку, отъ которой бы ты и съ осмью не могъ отдѣлаться.

ФЛОРИДОРЪ (*съ насмѣшкою*).

Ахъ! не разорите меня!

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Нѣтъ, мой батюшка, нѣтъ! я оправданія не больше слушаю, какъ

полицейской судья. Извѣдывать секретъ у такой женщины, какъ я, заставить ее уронить свою честь, заставить . . . .

ФЛОРИДОРЪ.

О! ваша честь такъ важна, какъ игра въ гусекъ, которую выдумали Греки.

ЧЕЛОБИТЧИЦА.

Греки! Греки! Ахъ! я внѣ себя! Къ обидѣ прибавлять еще клевету и брани! А! мы увидимъ, мой батюшка, увидимъ, естьли я не стану бить челомъ. Я пойду начать свои жалобы; я испрошу позволеніе подать челобитную, запишу въ журналъ, призову свидѣтелей. Такъ, мой батюшка! такъ, они у меня будутъ, они будутъ у меня, хотя бы я должна была за ними ѣхать въ Нормандію. Ты будешь захваченъ, засаженъ, описанъ, допрашиванъ, осужденъ, судимъ и обвиненъ; я буду тебя гонять изъ суда въ судъ. Увидимъ, мой батюшка, увидимъ. Съ Греками, ахъ! съ Греками! (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ 12.

ФЛОРИДОРЪ *одинъ.*

Тьфу! старая дурища! она имѣетъ видъ всемірной челобитчицы! . . .

ЧЕЛОБИТЧИЦА (*возвращаясь*).

Помни же, мой батюшка, помни, что я буду на тебя бить челомъ, бить челомъ буду, челомъ бить буду, бить челомъ буду, или я умру съ досады! (*Отходитъ совсѣмъ*)

ФЛОРИДОРЪ (*одинъ*).

О! какая мерзкая! Я думаю, она цѣлой свой вѣкъ проводитъ въ ябедахъ . . . и до сихъ поръ не приберутъ ее куды нибудь въ укромонное мѣсто, чтобъ избѣгнуть и избавить свѣтъ отъ эдакой гарпіи! . . Я объ закладъ могу биться, что ни одна челобитчица до такого совершенства въ сутяжествѣ не достигла . . . Но я слышу кого-то въ прихожей; это точно какой нибудь

подлинникъ, только вѣрно ужь другова роду.

ЯВЛЕНІЕ 13.

ФЛОРИДОРЪ и ПОРТНОЙ.

ПОРТНОЙ (*входитъ*).

Не вы ли, мой господинъ, тотъ, которой по случаю, а иногда по разсужденію можете возводить, какъ говорятъ, въ разныя достоинства разумныхъ людей, а иногда дураковъ?

ФЛОРИДОРЪ.

Что вамъ угодно?

ПОРТНОЙ.

Въ такомъ случаѣ, государь мой, вы мнѣ позволите..... (*къ слугѣ*) Скажи Госпожѣ Субревеннѣ, что я занятъ, и что я буду ужинать въ городѣ.

ФЛОРИДОРЪ.

Что вы такое говорите, сударь?

ПОРТНОЙ.

Ничего, господинъ мой, ничего — я говорю слугѣ

ФЛОРИДОРЪ.

Слугѣ? а!... это дѣло другое... Но не льзя ли знать, о чемъ со мною говорить хотите?

ПОРТНОЙ.

Конечно, господинъ мой, тѣмъ болѣе, что я, которой съ вами говорю, художникъ, которому конечно не льзя отказать въ мѣстѣ, хотя бы то было у какова иностраннова Принца; и вотъ за чѣмъ я пришелъ. И когда это приноситъ вамъ удовольствіе, то я рекомендую себя. Впрочемъ, мой господинъ, нужно отличить себя во всякомъ состояніи, а особливо я, которой произхожу не по прямой линіи отъ отца.... Съ 13 Мая 1707 года, со дня, въ которой прачка и молодой красильщикъ обѣдали вмѣстѣ въ Булонскомъ лѣску, и разговаривая на дорогѣ, положили первое основаніе нашей фамиліи.

ФЛОРИДОРЪ.

Вы, мнѣ *кажется*, очень чистосердечны въ своей родословной.

ПОРТНОЙ.

Съ тѣхъ поръ, господинъ мой, предки мои проживались въ дѣланіи платья; но я присовокупилъ къ искуству портнаго званіе всесвѣтнаго закройщика. Войдите въ мой магазинъ: вы увидите тутъ, что есть новѣйшаго въ древности, и что стариннова въ новостяхъ: обычай Турецкой, платье Татарское, Римскую епанчу, Аглинской редингтотъ, Американской кожанъ, Нормандской кафтанчикъ — все, сударь, все вдругъ повстрѣчается вамъ въ магазинѣ вашего покорнаго слуги. Ко мнѣ, сударь, всѣ иностранные народы, друзья, непріятели, соперники, или союзники бѣгутъ, какъ стая маленькихъ цыплятъ къ маткѣ; и приходчикъ есть въ моей рукѣ — когда говорю, сударь,

есть въ моей рукѣ, то это значитъ реторическую фигуру, дабы изъяснить краснорѣчивѣе, что, по приказу сихъ мастерскихъ и созданныхъ къ шитью пальцовъ, всѣ народы Индїйскїе и Торазскїе, Французскихъ острововъ, Шампанїи и Мексики, приходятъ всѣ безъ изключенїя пола и лѣтъ покоиться въ свалку на моихъ столахъ, или вѣшаться на моемъ крючкѣ . . . Войдите въ магазинъ: вы увидите тутъ Помпею. Вы знаете *Помпею*, эту гордую Королеву? Вы увидите ее подлѣ Арлекина Августа, и славную Семирамиду, качающихся на одномъ мѣстѣ съ фигаро; и когда вѣтрено, тогда разтворяются окны, Криспинскїе катурны прицѣпленные вмѣстѣ съ сапожницами Цинны, а Баязетовъ парикъ дѣлаетъ украшенїе Бартоловой чалмѣ. . . . Э! я думаю, что можно имѣть нѣкоторое понятїе о моемъ искуствѣ, не видя его, по одному моему знанїю въ его терминахъ.

ФЛОРИДОРЪ.

Прекрасно, сударь! ей! ей! прекрасно!

ПОРТНОЙ.

Ну, сударь! однакожъ со всѣмъ тѣмъ я не надутъ моими дарованіями, и я продолжаю, къ удовольствію публики, быть портнымъ на гуртъ и порознь, въ большомъ, въ маленькомъ, въ короткомъ, въ долгомъ и въ широкомъ; а что всего лучше, то я работаю на мущинъ и на женщинъ.

ФЛОРИДОРЪ.

На мущинъ и на женщинъ?

ПОРТНОЙ.

Да, сударь! Я въ одно время и портной и швея. Это васъ удивляетъ? Ну! такъ я еще лучше, нежели все это: я вдругъ тайноблюститель и цырюльникъ; я снабжаю

всѣми частями обуви и платья, и махомъ одной руки — я поставлю человѣка, снабженнаго съ головы до ногъ всѣмъ, чѣмъ надобно. На примѣръ, въ домашнемъ быту имѣетъ ли жена нужду въ платьѣ, а мужъ въ парикѣ — въ минуту и готово . . . Я, какъ человѣкъ искусной, всюду втираться умѣю, вхожу въ комнату барыни, беру отъ нее мѣрку . . . . и минуту спустя у барина голова ужь убрана.

ФЛОРИДОРЪ.

Подлинно тутъ надобно проворство.

ПОРТНОЙ.

Равномѣрно, сударь, когда я приношу прелестной карако, или левитъ госпожѣ, съ ножницами въ рукахъ, съ циркулемъ въ глазахъ, съ иголкою въ рукавѣ; то дѣлаюсь я строгимъ осмотрителемъ, я дѣлаю складки на матеріи, даю свой

оборотъ платью, и когда талія очень сѣдлиста, то я такъ ее наполняю, хоть срисовывай . . . . . а мужъ намъ свѣтитъ.

ФЛОРИДОРЪ.

По чести, сударь, вы рѣдкой человѣкъ!

ПОРТНОЙ.

Секреты ли нужны? Ну! тутъ-то на меня посмотрѣть надобно. Напримѣръ: женщина имѣетъ одно плечо выше другова; я знаю чѣмъ это заровнять; а естьли у ней низка грудь, то я дѣлаю накладныя и продаю дюжинами . . . . Впрочемъ я иду, сударь, и оставляю васъ, сударь, съ добрымъ днемъ. Я покину здѣсь надпись къ моему дому, чтобъ въ случаѣ нужды знали, гдѣ меня сыскать; и естьли не для васъ, такъ для вашей супруги угодно будетъ . . . . . впрочемъ я желаю

вамъ доброй ночи. (*Отходитъ и потомъ возвращается.*) А! кстати! я прошу у васъ прощенія. Эта одна только мысль, какъ жена моя не ждетъ меня къ ужину, и ничего не изготовила; а вы съ своей стороны, надобно думать, будете ужинать у какой нибудь почтенной особы . . . Я говорю, можетъ быть, и естьли бы точно это случилось, то бы вы могли представить меня, какъ вашего пріятеля, и мы бы за ужиномъ вмѣстѣ . . . .

ФЛОРИДОРЪ.

О! господинъ всесвѣтной закройщикъ! ты слишкомъ затѣйливъ. Ты хочешь со мною ѣхать въ гости къ короткому нашему знакомству, и въ такомъ нарядѣ, каково на тебѣ.

ПОРТНОЙ.

О! за этимъ не станетъ. Это ничего; я могу скоро его и перемѣнить, но и такъ, какъ вы меня

видите . . . . Я ужь забавлялся, одинъ разъ по случаю представляя Генеалогиста, мореходца, водоноса, простяка деревенскаго, челобитчицу (*открываетъ себя въ видѣ, то есть скидаетъ съ себя кафтанъ и парикъ*) и портнаго.

ФЛОРИДОРЪ.

Что это значитъ?

ВАЛЬКУРЪ.

О! конечно теперь другое дѣло.

ФЛОРИДОРЪ.

Какъ! это ты, Валькуръ?

ВАЛЬКУРЪ.

Я, я самъ, мой другъ! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха!

ФЛОРИДОРЪ.

А я такъ былъ глупъ, что тебя не узналъ.

ВАЛЬКУРЪ.

А для чего же и не такъ? Это не удивительно! ха! ха! ха! ха! Люди нынѣшняго свѣта такъ искусно умѣютъ притворяться, что ихъ никогда такими не увидишь, каковы они есть. Ха! ха! ха! а для чего же и не такъ? Ну! ты видишь, что я сдержалъ свое слово. Я обѣщалъ зайти за тобою, чтобъ вести тебя ужинать къ Госпожѣ Юстинѣ: и вотъ я готовъ! Я сказалъ, что ты увидишь комедїю, и думаю, что я исполнилъ свое слово. (*Оба смѣются.*)

ФЛОРИДОРЪ.

Браво! браво! мой другъ! Ты больше сдѣлалъ, нежели я вздумать могъ. . . Послушай, пойдемъ теперь къ Госпожѣ Юстинѣ; обѣщаемъ показать комедїю. Они будутъ спорить; мы станемъ держать закладъ, и наконецъ обнадежены будучи въ успѣхѣ, выиграемъ, что и составитъ пословицу.

Къ зрителямъ.

Чтобъ время праздное забавой замѣнить,
Подносимъ новое съ усердьемъ сочиненье;
Желанье наше въ томъ, чтобъ публикѣ служить,
И снискивать ея къ себѣ благоволенье;
А между тѣмъ позвольте намъ узнать,
Возможноль васъ еще сей шуткой позабавить,
И удовольствїе невинно вамъ доставить.
Мы щастливы, когда хотите намъ сказать
Въ отвѣтъ:
А для чего же нѣтъ?

КОНЕЦЪ.

ОИК № 24503